

Выходные данные:

Творчество молодых' 2014: сб. науч. работ. студентов, магистрантов и аспирантов УО «Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины». В трех частях. Ч.3. – Гомель, 2014. – С. 44-47.

УДК 821.161.1-312.8

ОТРАЖЕННОСТЬ, ПРИЗРАЧНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИМВОЛИКИ ЛУННОГО МИРА ДИАВОЛИЧЕСКОГО СИМВОЛИЗМА

М.И. Бондарович

Науч. рук. – Н.В. Сулова, канд. филол. наук, доцент

Статья рассматривает отраженность и призрачность как ключевые характеристики лунного мира диаволического символизма. Исследование специфики реализации указанных аспектов лунной символики проводится на материале поэтических текстов крупнейших представителей раннего русского символизма К. Бальмонта, Ф. Сологуба и З. Гиппиус.

Характеризуя особенности раннего русского символизма декадентского типа, австрийский славист Аге Ханзен-Леве отмечает, что для указанной модификации символизма первым шагом на пути обретения собственно символического дискурса является выстраивание дискурса диаволического, призванного установить особую систему отношений между повседневностью и «иным миром», в результате чего формируется художественный текст, «система мотивов которого инвертирована, парализована и даже подвергнута отрицанию» [1, с. 58]. Из этого следует, что в программной лирике раннего символизма образ реальности наделяется такими чертами, как мнимость, призрачность, отраженность, и эти черты приобретают доминантный статус.

Наиболее ярко подобные характеристики проявляют себя в связи с реализацией образа лунного мира в реальности диаволического символизма, где собственно луна выступает в качестве источника иллюзий, видимостей, искаженных отражений, мнимостей.

В тексте диаволического символизма наиболее частотным вариантом изображения призрачности и иллюзорности лунной реальности выступают образы сна / грезы. Время луны и ее власти – ночь. Именно ночью происходит все самое таинственное и загадочное, в ночное время суток человек погружается в мир грез и сновидений, пытаясь уйти от реальности и рутины повседневности.

В стихотворении К. Бальмонта «Incubus» лирического героя одолевают сны «темной полночью рожденные». Луна пропускает в комнату свои лучи, которые вызывают в сознании героя образ саванов, а вместе с этим и видения-сны: «И я взглянул, и вдруг, нежданные, / Лучи луны, целуя мглу, / Легли, как саваны туманные, / Передо мною на полу. / И в каждом саване – видение...» [2, с. 236-237]. Сны постепенно овладевают героем, рисуя в его сознании ложные иллюзорные картины: «И льнут ко мне с мольбой и с ропотом: / Мы жить хотим в уме твоём» [2, с. 236-237]. Когда наступает час пробуждения, герой не стремится открыть глаза, дабы не развеять таинственных и манящих чар сновидения. Он понимает, что является жертвой снов-иллюзий, но не желает расставаться со сладостными ощущениями: «Я только знаю, только чувствую, / Не открывая сжатых глаз, / Что я как жертва соприсутствую, / И что окончен сладкий час. // И вот сейчас она развеется, / Моя отторгнутая тень...» [2, с. 236-237]. Призрачные хаотичные видения претворяются в соблазнительную иную реальность, которая околдовывает пленника снов: «И тень все ближе наклоняется, / Горит огонь зеленых глаз, / И каждый миг она меняется, / И мне желанней каждый раз» [2, с. 236-237].

Так, в соответствии со специфическими характеристиками мироощущения диаволического символизма, отраженная вторичная лунная реальность, наделенная возможностями порождать тени реальных «дневного» рационального бытия, оказывается гораздо более притягательной для человека чувствующего, человека наделенного талантом и даром фантазии: в недосказанности, в изменчивости очевидно лишенных материальной природы фантомов он ощущает возможность прикосновения к миру непостижимого, где скрыты идеальные сущности реальных вещей. Ради реализации этой возможности он готов на любые жертвы: пусть сон станет смертным сном, лишь бы саван, сотканный лунными лучами, удерживал желанные видения, обретающие продолжение в сознании добровольного пленника лунного мира.

В бальмонтовских «Долинах сна» луна предстает как образ проводника в мир грез, где не действуют земные законы – там все по законам сна: «Там падает луна / С бездонной высоты. / Вкось падает она – / И все не упадет» [2, с. 669]. Луна размывает границы реальности и мнимости, освобождая разум героя для фантазии и воображения: «И странная струна / Играет без смычков, / Мой ум — в долинах сна, / Среди волн без берегов» [2, с. 669]. Образы бесконечности (бездонность, безбрежность и т.д.) вновь акцентируют внимание читателя на близости характеристик лунного мира и мира теней – царства мертвых.

Сны, рожденные ночью и луной, в лирических текстах К. Бальмонта зачастую носят волшебный, даже магический характер. Герои переносятся в мир грез, дабы уйти от земных бед и несчастий. Например, в сонете «Лунный свет» возникает такая картина: «Когда луна сверкнет во мгле ночной / Своим серпом, блистательным и нежным, / Моя душа стремится в мир иной, / Пленяясь всем далеким, всем безбрежным» [2, с. 11]. Погружение в мир

сновидений оценивается как попытка обретения безмятежности, легкости бытия и счастья: «Я мчусь в мечтах; как будто дух больной, / Я бодрствую над миром безмятежным, / И сладко плачу, и дышу – луной» [2, с. 11]. Все земные страдания остаются в реальном мире, который далек и безразличен лирическому герою: «Людей родных мне далеко страданье, / Чужда мне вся земля с борьбой своей, / Я – облачко, я – ветерка дыханье» [2, с. 11]. Совершенно очевидно, что понятия безмятежности, легкости и счастья трансформируются здесь в соответствии с законами диаволической реальности: наслаждение неотделимо от страдания, безмятежность обретается через отчуждение, легкость бытия неотделима от одиночества, воспринимаемого как благодатный дар.

В творчестве крупнейшего представителя СИ, «певца смерти» Федора Сологуба призрачность и мнимость так же выступают важнейшими характеристиками лунного мира. В его стихотворении «Плещут волны перебойно» полуночная подруга лирического героя Лилит, прикрываясь маскою-луною (возможно, она и есть луна), создает иллюзии, искаженные отражения, которые вовлекают героя в смертельно опасную, но неизъяснимо притягательную игру: «Но шепну опять упрямо: / «Где ты, тихая Лилит?»» [3, с. 341].

Использование образа Лилит для презентации демонической призрачности и соблазнительной притягательности лунного мира чрезвычайно эффективно. С точки зрения этимологии, в семитских языках имя Лилит восходит к прилагательному «ночная»; возможно также его происхождение от шумерского «лиль» – воздух, ветер; дух, призрак.

В ассиро-вавилонской традиции Лилит предстает как ночное приведение, соблазняющее и пугающее людей. Шумерские легенды приписывают ей «лунную» двойственность: слёзы Лилит даруют жизнь, но её поцелуи приносят смерть.

В каббалистической теории Лилит выступает как первая жена Адама, не пожелавшая подчиниться мужу, так как считала себя таким же творением (по некоторым версиям, Лилит была создана из лунного света) бога Иеговы, и покинувшая супруга, за что была наказана, став демоническим ночным существом, вредящим деторождению, а также являющимся во сне неженатым молодым мужчинам и соблазняющим их.

В демонологии Нового и Новейшего времени Лилит соотносится с такими лунными и ночными божествами, как Кали, Геката и пр. – т.е. с «темными богинями», воплощающими символику Темной Матери, Черной женственности, губительных для носителей света [4].

В стихотворении Ф. Сологуба «Поднимаю бессонные взоры» лирический герой сам выступает в образе диаволического творца-демиурга, создающего колдовской мир иллюзий: «Поднимаю бессонные взоры, / И луну в небеса вывожу, / В небесах зажигаю узоры / И звездами из них ворожу...» [3, с. 263]. Иллюзии сменяются снами (здесь вновь четко фиксируется образ сна-смерти), в которых герой обретает зыбкую гармонию, традиционно для диаволизма сочетающую притягательность цветущей мечты

и холод ледяного бездушия: «Окружился я быстрыми снами, / Позабылся во тьме и в тиши, / И цвету я ночными мечтами / Бездыханной вселенской души» [3, с. 263].

В художественном мире Зинаиды Гиппиус образ отражения играет важнейшую роль: с ее точки зрения, лишь в отражении образа материальной реальности человек может уловить отблеск подлинной сущности бытия, обычно скрытой туманом. Подобные представления находят воплощение и в стихотворении З. Гиппиус «Луна и туман». Туман создает флер обмана, обволакивающий и замутняющий зеркальную (т.е. способную отражать) гладь озера: «Озеро дышит теплым туманом. / Он мутен и нежен, как сладкий обман» [5, с. 85-86]. Царица мира отражений Луна вступает в противоборство с убаюкивающей мутностью лжи, в которой обречен жить человек, не имеющий возможности, а, зачастую, и желания заглянуть за грань – в реальность отраженного мира: «Борется небо с земным обманом; / Луна, весь до дна, прорекает туман... / Только душа не живет обманом: / Она, как луна, пронизает туман» [5, с. 85-86].

Отраженный характер лунного мира часто подчеркивается через утверждение его *антитетичности по отношению к миру солнечному*.

В «Песнях русалок» З. Гиппиус (это мини-цикл, включенный в состав драмы «Святая кровь») луна, в духе традиционных мифопоэтических представлений, позиционируется как отражение солнца: «Мы солнца смертельно-горячего / не знаем, не видели; / но мы знаем его отражение, – / мы тихую знаем луну...» [5, 61-62]. З. Гиппиус создает особую модель мироздания, где дневной мир христианства и ночной мир язычества соседствуют друг с другом. Солнечный мир, по Гиппиус, – мир людей, наделенных душой, освященный присутствием Бога, тогда как лунный – мир бестелесной и лишенной бессмертной души нежити, Бога не знающей.

В явном противопоставлении (через сравнение) выступают Луна и Солнце в стихотворении К. Бальмонта «Отчего нас всегда опьяняет Луна?». Луна здесь уже не шекспировский «наглый вор», крадущий у солнца «свой бледный огонь». Это благородная властительница, своим холодным аристократизмом затмевающая вульгарную избыточность блеска солнца: «Отчего нас всегда опьяняет Луна? / Оттого, что она холодна и бледна. / Слишком много сиянья нам Солнце дает, / И никто ему песни такой не сплет, / Что к Луне, при Луне, между темных ветвей, / Ароматною ночью поет соловей» [2, с. 53]. Обманчивость образа неприступной безучастной луны подчеркивается через сравнение с образом загадочной роковой красавицы, холодное равнодушие которой, возможно, таит в своих глубинах неизведанные страсти. Лунная красота не является доступной в отличие от красоты солнечной: «Отчего между женщин нам дороги те, / Что бесстрастны в победной своей красоте? / Оттого, что в волшебной холодности их / Больше скрытых восторгов и ласк огневых, / Чем в сиянии щедрой покорной мечты, / Чем в объятьях доступной для нас красоты» [2, с. 53].

Несколько иной тип антитетических отношений связывает солнце и луну в стихотворении «Восход солнца» Ф. Сологуба. Здесь образ солнца имеет традиционную положительную коннотацию, лунный же мир с его «полуночными обманами» выступает в качестве обители зла, где творятся беззакония, где властвует бесовщина, где человек беззащитен перед силами тьмы. Рассвет, восход солнца символизирует надежду на освобождение, торжество света над окутавшим мир дьявольским наваждением: «Солнце ясное, свобода! / Горячи твои лучи. / В час великого восхода / Возноси их, как мечи» [3, 157]. При этом стоит заметить, что страстный призыв, обращенный к солнцу и к свету, в мире Сологуба практически всегда остается безответным: звезда Маир и земля Ойле недоступны простому смертному. Присутствие идеи света в мире Сологуба лишь оттеняет и углубляет густоту господствующего в нем мрака.

Таким образом, лунный мир диаволического символизма, наделенный отраженным характером, отличающийся мнимостью и призрачностью наполняющих его реалий, несет в себе ярко выраженные черты декадентского мировосприятия. Иллюзии, порождаемые луной, обретающие призрачную плотность в сновидениях и грезах, дают ощущение приближения к обретению неясных мечтаний, недостижимых в реальности. Однако иллюзии обычно развеиваются при свете солнца, что превращает бытие лирического субъекта поэтического текста диаволического символизма в томительное ожидание заката, возвещающего час прихода владычицы ночи. Призрачность лунного мира ощутимо опасна, но при этом необыкновенно притягательна, мучительна и сладостна одновременно.

Литература

- 1 Ханзен-Лёве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А. Ханзен-Лёве. – С.-Пб. : «Академический проект», 1999. – 512 с.
- 2 Бальмонт, К. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе / К. Бальмонт. – М. : «Альфа-книга», 2011. – 1307 с.
- 3 Сологуб, Ф. Лирика / Ф. Сологуб. – Мн. : Харвест, 1999. – 480 с.
- 4 Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CB%E8%EB%E8%F2>. – Дата доступа: 10.03.2014.
- 5 Гиппиус, З. Стихотворения; Живые лица / З. Гиппиус. – М. : Худож. лит., 1991. – 471 с.